

Рыжеволосую женщину зовут Руби, или, по крайней мере, так она утверждает. Манера, с которой она это говорит, заставляет меня думать, что имя может быть вымышленным. На её лице странное выражение, когда она это произносит. Она не называет мне имя своей хозяйки и не говорит, что со мной будет.

Я подозреваю, что так ей просто веселее.

Слушайте, я это понимаю. Правда. Я бы тоже нашел это забавным, будь я на её месте. Я бы полностью этим наслаждался.

Но чёрт возьми, как же это раздражает, когда это происходит со мной.

«Первый этаж, второй этаж, система», — говорю я, идя рядом с ней, но она никак не реагирует. Словно я ничего не сказал или она меня не услышала.

Похоже, система хорошо умеет цензурировать. Это не просто цензура слов, но и моих намерений? Вероятно, всё так, как я думал раньше. Система может читать мои мысли.

Руби даже не спрашивает, откуда я, и никто этого не делал с тех пор, как мы попали на второй этаж. Разве людям не должно быть хоть немного любопытно? Это же совершенно другой мир.

Они вообще люди или что-то вроде NPC?

Если они NPC, то сделаны просто невероятно хорошо. Я здесь уже несколько дней, и до сих пор все ведут себя как настоящие люди.

Тем не менее, я получил опыт за убийство Эмерика.

[Вы победили Мастера ветрового клинка — ур. 101]

[Ур. 24 > Ур. 27]

[Манипуляция маной — ур. 10 > Манипуляция маной — ур. 11]

— Эй, я что-то спрашиваю.

— О, извини, — я возвращаю внимание на Руби.

— Итак, что случилось с твоими волосами? У тебя довольно симпатичное лицо и красивые глаза; тебе просто нужно что-то сделать с выражением лица. Но выбор причёски ужасен.

— Это проделки Эмерика.

Хм, может, мне стоит сыграть на её сочувствии? Постепенно стать в её глазах обиженным?

— О, это ещё одна причина, почему ты его убил? — она улыбается.

Неважно.

— Не совсем... — я пытаюсь продолжить и объяснить, но она меняет тему.

— Что случилось с твоей рукой? — она приближается и тыкает пустой рукав моей рубашки. Её глаза большие и желтоватые. Только сейчас я замечаю узор в её радужках.

Что это?

— Ответ на мой вопрос. — Она приближается ещё ближе, и я ощущаю её парфюм, пока она смотрит мне в глаза.

На вид ей не больше двадцати, и только сейчас я замечаю, что она довольно привлекательна.

Я заставляю себя улыбнуться, едва заметно — достаточно, чтобы моё лицо выглядело чуть дружелюбнее.

— Нет, — резко отвечаю я тоном препирательства.

Попробуем подружиться с ней.

Её глаза наполняются удивлением, и улыбка меняется с игривой на опасную.

О нет.

Немедленно я пропускаю ману через тело и активирую [Перераспределение кинетической энергии] с помощью обеих частей моего [Сосредоточения].

Затем я чувствую боль в груди, сразу за этим укол в челюсти и падаю на колени с кружащейся головой, едва сохраняя сознание.

Руби смотрит на меня сверху вниз, всё ещё улыбаясь.

Её рука превращается в размытый след, и я чувствую удар по виску. Мир темнеет.

Да, это моя вина.

Только моя.

Я просчитался. Я сделал что-то настолько глупое, что даже сам поражён собственной тупостью.

Она казалась такой игривой, такой лёгкой в общении. Я думал, что смогу начать препираться с ней тоже, чтобы стать дружелюбнее. Чтобы она расслабилась и я смог получить больше информации. Может, даже стать достаточно близким, чтобы она пожалела меня или колебалась, подвергая меня опасности.

Как там было? Риск был просчитан, но чёрт возьми, я плох в математике. Именно так.

И ещё, что за чертовщина с тем, что меня постоянно вырубают все эти придурки? Начинаю подозревать, что, возможно, всё это моя вина.

На моей груди огромный синий синяк, покрывающий, кажется, половину её, и мне всё ещё трудно жевать.

По крайней мере, она была достаточно любезна, чтобы не убить меня, думаю.

Комната, в которой я нахожусь, немного больше той, что была у меня в поместье Эмерика, и в целом довольно похожа. Неплохо, но ничего особенного.

Меня уже уведомили, что леди Руби позовёт меня примерно через час, поэтому я провожу это время, переодеваясь в новую одежду и тренируясь.

Материал одежды лучше, чем тот, что был у меня раньше, и она даже кажется более удобной.

Это светло-коричневая рубашка с длинными рукавами. Один из рукавов, очевидно, просто свисает вдоль моего тела. Штаны чёрные и хорошо сидят. Обувь простая — ужасно неудобная по сравнению с той, что на Земле, и даже по сравнению с ходьбой босиком.

Но что я могу поделать?

Я продолжаю перемещать ману внутри тела. Одна часть моего разума сосредоточена на

перемещении маны через мой контур и тестировании потока маны. Другая часть продолжает наблюдать за моим сердцем.

Я всё ещё не имею понятия, что та женщина сделала с моим сердцем, и это раздражает.

Сколько бы я ни наблюдал, я не вижу ничего подозрительного и не ощущаю ничего оставленного.

Единственное чужеродное в моём теле — конструкт Софи, который я теперь могу уничтожить в любое время. Либо заморив его голодом, позволяя одной части моего сосредоточения отрезать его и продолжать это делать в течение дней, либо используя [Нарушение].

Пока я продолжаю наблюдать, пытаюсь научиться создавать что-то подобное. Я продолжаю посылать ману к нему и наблюдаю, как он поглощает её и подпитывает себя.

Ох, надеюсь, я не усиливаю его слишком сильно и не копаю себе яму.

Это то, что называют игрой с огнём?

Ладно, буду осторожнее.

Я позволяю одной части моего [Сосредоточения] создать вокруг него пузырь и не пропускать к нему мою ману. Это должно медленно его измотать, но когда я увижу, что он собирается «умереть», я смогу дать ему немного маны, чтобы наблюдать за ним дольше.

В худшем случае я пущу в ход всё с [Нарушением], усиленным [Всплеском маны]. Это должно сработать!

Раздражает терять одну часть моего [Сосредоточения] на это, ведь я только что его приобрел, но я лучше буду осторожен.

И что с того? Я до сих пор выживал с одним [Сосредоточением]. Смогу продержаться немного дольше!

Если только кто-нибудь не убьёт меня из-за моего взгляда, потому что я им солгал или попытался пошутить.

Ага.

Легко.

Молодая рыжеволосая девушка сидит в удобном кресле, наблюдая за мной своими желтоватыми глазами, когда я вхожу.

Узоры в них вызывают у меня любопытство, но я не смею их слишком внимательно рассматривать.

— На колени, — коротко говорит она, и я делаю, как она велит.

В отличие от того, когда Эмерик приказывал мне это сделать, от неё не исходит злого умысла. Её манера кажется более игривой, но серьёзной. Лучшее сравнение, которое я могу привести, — это мама, шлепает ребенка по попе, когда тот делает что-то опасное или глупое.

Улыбка медленно появляется на её лице.

— Сейчас я скажу тебе одну вещь, — она делает паузу и несколько раз тыкает меня каблуком, прежде чем убрать ногу.

— Не притворяйся, когда разговариваешь со мной. Ты можешь быть таким ворчливым, как захочешь; тебе не нужно ждать, пока я скажу тебе говорить. Можешь закатывать глаза, вздыхать, жаловаться и задавать вопросы сколько угодно.

Она встаёт и приседает передо мной, наши глаза на одном уровне.

— Но не смей пытаться притворяться со мной, — она тыкает меня пальцем в щёку, — Понимаешь?

— Да.

— Хорошо, — игриво говорит она и встаёт, садясь обратно в кресло.

— А теперь, хочешь что-то сказать?

— Что с твоими глазами?

— Эм?

— Ты сказала, что я могу быть честным с собой и задавать вопросы, если хочу, так что что с твоими глазами? Цвет необычный, и в них странный узор. Они не кажутся слишком естественными.

— Ты много говоришь, когда хочешь.

— Я не люблю пустые разговоры и не люблю общаться с более чем одним человеком одновременно или когда вокруг много людей. Так комфортнее.

— А, значит, ты такой, — её глаза смотрят на меня, будто снова изучая, — Хозяйка тоже в этом похожа. — Она скрещивает ноги и смотрит на меня, пока я всё ещё стою на коленях. — А насчёт моих глаз — это секрет, — она подмигивает.

Вот облом.

Прежде чем я успеваю спросить что-то ещё, она спрашивает первая.

— Твоё имя Натаниэль, верно? Уровень 24 или чуть выше сейчас, 7 или 8 даров и много очков в ману, — она делает паузу, — Думаю, это немного глупо, но дело твоё. Могу называть тебя Нат?

— Я бы предпочёл, чтобы ты этого не делала.

— Хорошо, значит, Нат.

Я уже даже не удивляюсь.

— Почему ты так ко мне относишься и говоришь быть самим собой? Ты сильнее меня. Я гораздо ниже тебя.

— Хм? Так веселее. И я ненавижу фальшивых людей. Кто-то, ведущий себя как придурок, лучше, чем придурок, притворяющийся милым.

О, я могу понять это, но меня только что косвенно обидели?

— Могу я получить от тебя 92 золотых, те, что ты украла у своей хозяйки?

— Нет.

— Могу я сказать твоей хозяйке, что ты её обманываешь?

— Да, — её улыбка яркая и дерзкая, и я чувствую мурашки по спине.

Ладно, давай не будем этого делать.

— Какой у тебя уровень?

— Эй! Это довольно грубо!

— Мне сказали, что я придурок.

Она серьёзно кивает, но её глаза улыбаются.

— Не скажу, — она делает паузу, — теперь моя очередь. Почему ты вложил так много очков в ману?

— Мана меня увлекает.

Она снова кивает, будто понимает.

— Что ты сделал, чтобы Эмерик тебя возненавидел?

— Он сказал, что ему не нравится выражение моих глаз.

Это заставляет её громко рассмеяться, и она прикрывает рот рукой. Она кажется мне ребёнком — ребёнком с огромной силой. Игривым, наслаждающимся мелочами. Тем не менее, я не уверен, что это только маска.

— Я полностью понимаю это. У тебя красивые глаза, но ты... как бы сказать? В твоём взгляде есть что-то, что одновременно забавляет и бесит меня, — она жестикулирует, пытаясь объяснить. — Для кого-то слабее тебя ты, должно быть, кажешься страшным и недоступным. Для равных тебе можешь выглядеть надежным и немного бесчувственным, а для людей, которые сильнее тебя, может показаться, что ты смотришь на них свысока. Наблюдаешь за их шагами и ждешь подходящего момента, чтобы переступить через них. Как будто они всего лишь ступенька на пути к твоим целям, которые намного больше, даже несмотря на то, что они сейчас намного сильнее тебя.

Она тыкает меня в грудь.

— Это одновременно забавно и раздражающе, что делает это зрелищем. Люди, как ты, либо становятся настолько сильными, что никто не хочет с ними связываться, либо облажаются так эпично, так масштабно, что боги будут испражняться молниями и пускать газы громами, покатываясь со смеху.